

Гай Себеус

Эмоциональная диверсия

Гай Себеус

Эмоциональная диверсия

«Издательские решения»

Себеус Г.

Эмоциональная диверсия / Г. Себеус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747828-5

Один за другим Поднятые оставляли принятую похоронную «позу покоя»: вытягивали шею в беззвучном вороньем грае, разминали руки, словно крылья, и только потом уже — самое трудное: поднимали тело на выломленных назад коленках. Похоронены они были людьми, но даже в мёртвых в них сохранялась память о полётах...

ISBN 978-5-44-747828-5

© Себеус Г.
© Издательские решения

Содержание

Чужеземец-пегрин I	6
1	6
2	9
3	12
Крайне не подходящие друг другу	14
1	14
2	16
3	19
4	21
5	23
6	25
7	27
8	29
9	30
10	31
11	33
12	35
13	37
Волчица	39
1	39
2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эмоциональная диверсия

Гай Себеус

...Первоначально «диверсией» назывались военные операции, производимые незначительными силами для дезориентации противника, отвлечения его внимания и сил с главного направления....

Толковый словарь

© Гай Себеус, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужеземец-пегрин¹

1

Вечерняя заря больше не казалась всадникам безмятежной. Нечто странное резко выдвинулось прямо на них из-за кургана. На фоне неба, наливающегося вечерней синевой, пауком раскорячился жуткий силуэт.

– Боги! Что это? – Чир спрыгнул с коня и с ужасом уставился на скрюченные, явно чело­вечи, фигуры, резко обозначившиеся прямо по курсу.

...Спереди их рёбра отсечены были от грудины и загнуты вверх, наподобие крыльев. Колени вывернуты назад. А головы на перерезанных шеях заломлены, запрокинуты к небу! И все они в птичьих позах усажены в круг. Но главное: фигуры и выражения лиц были явно полудетские! Это были подростки!

Они, словно замерли в ожидании чьего-то зова! Казалось: миг – стронутся и взлетят пти­цами ввысь! Разрушат неестественное уродство!..

В целом композиция производила просто ошеломляющее впечатление.

– Что это? Зачем это? – пытаюсь унять трясущуюся челюсть, Чир схватил себя за бороду и обернулся к спутнику. – Кто это с ними сделал? – взгляд, непривычный к подобному, не желал смиряться.

Однако приятель Чира – Черток, был более устойчив. Раскачать его эмоции даже такая картина не могла. Он тоже спешил, привязал коня к ближнему из тополей, по-хозяйски огля­делся и в целом ...остался доволен.

– Очнись, недотёпа! Это же не люди, а всего лишь памятник. Из железа.

– Т-так ты знал о нём?!

– Меня предупредили.

Уклончивый тон не успокоил Чира.

– Не мог меня подготовить? Чем так сразу?

– Не думал, что для тебя это важно. Ну, памятник – ну, и что? Нам же с тобой сам чёрт не брат! – Черток бойко притопнул, подняв облачко пыли. – Это цель нашей поездки, место – самое подходящее для порученного дела. Потому меня и предупредили. Тебя-то зачем?

– Не к добру это! Ой, не нравится мне здесь! – по-бабьи причитая, Чир медленно обошёл постамент, с осторожностью, словно боясь спугнуть замершие фигуры, взгляделся в них.

Работал мастер своего дела – несомненно! Произвести такое впечатление с помощью холодного металла способен только гений: птичьи позы никого не могли обмануть – памятник был детям, мальчикам-подросткам! Нежные черты каждого лица сведены страхом, мольбой и предсмертной мукой.

Однако рёбра, подобно маховым перьям вороньего крыла, воткнувшиеся в закат, без­жалостно крушили однозначность восприятия. Разрушалось само впечатление о привычном и знакомом – о человеческом.

Будто убийца-нелюдь выглянул из-за угла и скрылся, навсегда залив сердце холодком неизбежности.

– Да уж, ...место уникальное, прах его побери, – ни с чем не спутаешь!

¹ Пегрин – здесь в значении: свободный человек, путешественник, странствователь.

– Ты согласен? К тому же его не минует ни один направляющийся на север. И тот, кого нам велено отыскать, в том числе.

Чир не слушал. От пережитых волнений он забыл, для чего прибыл сюда. Всё прежнее вдруг отступило. Он был суеверен, жутко суеверен! А, может, это предупреждение? Он метался, места себе не находил.

– Кому могло прийти в голову: сделать такой памятник? Это ж заикой можно остаться, только раз его увидев! А местные, выходит, даже перекрёсток тут накатали! У них, что сердца нет? Моё выскочить готово!

– Больно уж ты нежен, друг мой! Не думал, что наёмный убийца может быть так эмоционален!

– Может я и убийца, и негодяй, но страх божий имею! – вдруг обиделся Чир. – В жизни всякое случается, но чтобы памятник такому ужасу устроить, это кем же надо быть!

– Ха! Страх божий! Не забывай, они ж тут дикари! Откуда тебе знать, что у них в головах? Может, они считают это красивым! Или молятся на это, – Черток расхаживал вокруг памятника, заглядывал в провал соседней балки, осваивался.

– Молятся? На это? Зачем? – вцепился в него Чир и засеменял следом.

– Ну, может, затем, чтобы не забыть о том, что случилось. У здешних народов, видишь ли, письменности нет, и никогда не было. Участники событий, допустим, умерли, а памятник не даёт забыть о том, что было.

– А что было-то? Что тут случилось?

– Да я и сам точно не знаю. Вроде бы тут «гости с той стороны» надухарили, нелюди, как ты их называешь. А свалили всё на соседний народ. Вот города и передрались меж собой. Да так, что перебили друг друга почти под корень. А началось всё с этого, – он махнул рукой в сторону жуткого возвышения.

– Что ты!

– Да-а! Тут, говорят, такие страсти пылали!

– Да-да-да! Я вспомнил! Что-то такое слышал! Про три города на побережье! Только названий не помню...

– Вот-вот. Мало им, дуракам, было, что Мировая катастрофа по всему побережью водой и огнём прокатилась! Так они ещё войну междуособную затеяли!

– Так это ж когда было!

– Да, давно. Из-за этого прежних народов тут почти не осталось. А жаль! У них занятные сказки были: о людях, которые умеют превращаться в волков, воронов и змей! Мне в детстве рассказывали, – он округлил глаза, голос стал таинственно-заговорщицким. – Но «гости с той стороны» так продуктивно поработали, что не осталось ни сказок, ни ...сказочников...

– А что за «гости»? Ты знаешь? – Чир боязливо оглянулся и опрометчиво повернулся к рассказчику спиной. – Может, и нам...

– У-у-ух! – Черток подкрался сзади и пуганул приятеля.

Тот зашёлся кашлем, поперхнувшись от неожиданности.

– Скотина! Какой же ты ...скотина! Счас уйду, ...насовсем! Делай всё сам! И денег мне не надо!

– Ах, тебе денег не надо? Ладно, запомню, – начал Черток почти ласково. – А уйти – это ты ошибаешься! Кто б тебе дал уйти! Дурило! Наш заказ из-за морей сюда дотянулся. Думаешь, тебе удастся отвертеться, раз уже согласился? Не выйдет! Рискуешь ты! – тон его неожиданно свернул на угрожающий.

Чир вжал голову в плечи и после краткого размышления с обречённым видом подвинулся к приятелю.

– Слушай, Черток, я пошутил. Это я от неожиданности, больно уж места непривычные! Ну, ты ж меня понимаешь? Чего делать-то надо? Я ж готов! Ты ж меня знаешь! – виновато засеменил он следом.

– Ладно тебе! Завилял скользким хвостом! Одно слово: рыба-чир! Пошли уж! Подготовиться надо!

2

Крытая повозка с маху наскочила колесом на тополь, неведомо как завалившийся поперёк дороги. Было б светло, Возница увидел бы помеху и успел бы объехать. А так...

Причудливый свет той, чьё второе имя Танит, не помогал совсем. Напротив, только искажал, путал, вносил чужеродные акценты. Коверкал накатанное полотно дороги световыми полосами и зигзагами, среди которых светло-серебристый ствол тополя выглядел только ясным лучом, не более того...

Зачем ей это? Чего добивалась?

Кто знает?

Возница только успел соскочить с сиденья и ножиком чиркнуть по ремням, чтобы освободить свою главную ценность – лошадь. Спасти кибитку и седоков и думать было нечего!

Зато, проследив взглядом смутное мелькание в кромешной тьме, заметил, как кубарем высыпались из повозки чужеземец-пeregрин и его жена. Закрутились, скатываясь в балку вперемежку со своими узлами и коробами. Даже вскрикнуть не успели, спали, видимо, бедняги.

Охая и стеная, он, конечно, заглянул туда, вниз,

...куда, любопытствуя, заглянула и Танит...

...Увидел в её неверном свете изломанные фигуры своих седоков. Но спускаться не стал. А зачем? Они, явно, убились насмерть – а ну-ка с такой высоты слететь вперемежку с кибиткой!

Цена жизни чужеземцев была невелика – здесь и свои-то недорого ценились! А вот кибитку надо было бы достать – жалко добра! Но это придётся делать, как рассветёт – не видно ж ничего! Да и сам он слишком худ и немощен, придётся лошадок добавить, чтоб вытянуть. Досадуя о случившемся, Возница потёр ушибы.

Тут его горестные размышления прервали какие-то звуки, доносящиеся из глубины оврага. Звуки, которым там, явно, было не место: внизу выводил жалостные рулады ребёнок! Новорождённый ребёнок! Этот голос невозможно было спутать ни с чем – уж ему-то он слишком хорошо знаком!

Ага, значит, красотка-жена этого молчаливого грека была не просто толстушка, она была беременна! Не нашла лучшего времени, чтоб родить!

Что ж теперь с этим делать?

Возница фыркнул с отвращением при одной мысли: заботиться о ребёнке – ну, уж нет! Собственных дармоедов дома полно! Как раз чужого не хватало! Надо уходить, лучше утром вернуться. А ситуацию отпустить на волю всемилостивых богов...

Он решительно запахнул прямоспинный тулуп, выглядевший на его тощей фигуре ещё более уродливо, чем обыкновенно, запрясался и, схватившись за гриву, запрыгнул на лошадь.

Ещё более поторопиться его вынудило близкое хорканье и сдерживаемый топот чужих коней. Кто-то таился в ближних кусточках, за белыми тополями, окружающими балку. И вряд ли с добрыми намерениями.

Возница, нахлёстывая лошадку, торопливо убрался в спасительную темноту. За ним и не гнались.

Зато Черток с приятелем спуститься в балку не поленились. И привлёк их вовсе не детский крик.

Пока Черток возился с огнивом, Чир занялся главным.

Он, хоть и заявил, что оплаты ему не надо, но в вещах рылся исправно, боялся, что напарник воспримет его болтовню всерьёз. Ведь именно ценности убитых седоков и должны были стать оплатой за выполненный заказ. А ценностей пообещали немало. Седоки были богатенькие!

Черток высек огонь, запалил ветку, обмотанную трупом. Среди разбросанной поклажи свет выбрал из темноты изломанные тела молодых мужчины и женщины.

Первым делом Чир нашарил шкатулку, открыл – удовлетворённо вздохнул: не зря старались! Наощупь сдёрнул с тёплой ещё красотики все висюльки и колечки, влажные, липкие, видимо окровавленные. Ничего! Кровь – не грязь! Ему не привыкать! Шагнул было к мужчине, приметив перстень. Начал, кряхтя, стаскивать и только тогда заметил, что напарник держит светильник и просто недвижно стоит, уставившись на что-то.

Чир осторожно приблизился.

Чуть поодаль от них, наоравшись, побряхтывал совсем крошечный новорождённый – как он не убили в падении – совершенно неясно!

Чир нервничал, ему было жутко и очень хотелось поскорей покинуть это место. Все его душевные силы уходили на то, чтобы унять трясущиеся руки. Но торопить Чертка не посмел. И чего это он остолбенел?

Чтобы чем-то заняться, пока приятель стоял, нелепо застыв, Чир в неверном свете слабющего огонька прихватил из развалившихся узлов ещё несколько женских нарядов, шёлковых наощупь и покрывало с богатым меандровым* шитьём, совсем немного запачканное кровью.

Что ж, теперь можно было уходить. Они честно отработали обещанную заказчиком добычу. Пора назад домой – через море! И забыть об этой ночи! Навсегда забыть, как о дурном сне! Больше он не согласен участвовать ни в чём подобном! А добыча хороша – теперь можно и на покой!

**Меандр – линия, ломанная под прямым углом. Широко применялся в искусстве Древней Греции: получил название от извилистой реки Меандр в Малой Азии.*

– Может, уже пойдём? – решился Чир, наконец.

Но Черток не торопился. – Постой. Один непонятный момент: куда девать этого пискуна?

– Какого пискуна? Об этом при договоре не было сказано ни слова. И в оплату, стало быть, не входит.

Черток, будто не слышал его.

– Брось ты его! На что он тебе? – невольно вскрикнул Чир, когда приятель неловкими руками поднял пискнувшего ребёнка и начал заворачивать в выдернутое у него покрывало.

– Умолкни, ты мне ещё будешь указывать!

– Да он всё одно не выживет! Ты глянь, какой дохлый! Не больше мокрого крольчонка!

– Не могу я бросить его. Я сам из таких же, ...брошенных. Если б не добрые люди, не выжил бы. Хоть и распорядился я жизнью своей глупо, но вот в такой момент понимаю: всё могло сложиться иначе...

Чир замер: зверь зверем, а вон что! Ни разу за время знакомства не удавалось заподозрить Чертка в человеческих чувствах, а тут на тебе! Мысль, что и такое неубиваемое чудовище, как Черток, мог быть когда-то беспомощным ребёнком, показалась странной.

– Ну и ну! Не знал. И куда ты денешь его?
– Куда придётся. Может, понадобится кому, – хмуро буркнул тот.
– Да он не доживёт до того, пока понадобится!
– Если не доживёт, значит, судьба его такая. Но пусть лучше умрёт у меня на руках, чем валясь в грязном овраге, – подниматься Черток начал первым, даже не оглянувшись на богатую добычу, которую так тщательно собирал Чир.

А тот, карабкаясь по крутизне и оскользаясь под тяжестью поклажи, с досадой думал только о том, что зря струсил, не посмел припрятать хоть что-то из добытого. Всё одно, никто не проверил!

3

Едва рассвело, Возница вернулся за своей кибиткой.

Надо было не опоздать, а то найдётся много желающих прихлестнуть чужое добро. Пришлось отыскать ещё пару лошадок и запастись порядочным мотком конопляного каната, чтобы вытащить обломки из оврага.

Боязливо озираясь и борясь с подспудным чувством вины, он осмотрел проклятый тополь – причину аварии.

...Белёсый ствол серебристо светился, духовито дышал терпкой горечью, будто предлагая на своём примере и в смерти увидеть целесообразность и гармонию.

Что ж, для него граница между жизнью и смертью пройдена, назад не вернуться.

Тонкие ветки тяжело обвисли, плотные листки кучками серебряных монет расположились на дороге. Уже не шелестели, перебирая вероятности. Улеглись окончательно, смирились с назначенным...

Поразмыслив, Возница покачал головой. Пнул пенёк, оставшийся от неряшливо срубленного великана. Задержался рукой на гладких телах его горделиво возвышающихся собратьев. Потом неохотно и потому медленно, придерживаясь за пучки трав, спустился в балку.

Здесь было сумрачно, как в колодце.

Повозка почти не пострадала от падения – что значит, добротной сделанная вещь! Возница обвязал верёвкой уцелевшую ось, проверил плотность узла и сделал шаг наверх.

Но остановился.

Очень не хотелось ему смотреть на мёртвые тела перегрини с женой. Обещал ведь вывезти их из степей Черноморья на север. Но слово не сдержал.

Хотя лишь сейчас стало понятно, что имел в виду чужеземец: «Нам нужно поскорей, поэтому поедим и ночью, но ты не торопись, езжай аккуратно».

Жену он берёт. За неё беспокоился.

Вот тебе и аккуратно. Не уберёт. Не пересилил чужую злую волю.

Возница вздохнул. Хорошие были седоки, щедрые.

А с другой стороны: чем он виноват? В кромешной тьме ехать не сам решил. Его наняли ночью. Дорогу тоже не он перегородил.

Кто?

Он предпочитал не вникать: слишком часто приходилось ездить в одиночку по степи. Лучше не нарываться на неприятности.

...смириться с назначенным...

Но чувство вины не отступало.

Какими жалкими выглядят мертвецы, хоть бедные, хоть богатые!

Перегрин был здоровяк с копной вьющихся волос. А жена его – просто красотка. Однако такая бледная! Возница не боялся ни мертвецов, ни крови. Жизнь в Краю Бога смерти Таната (так называли давным-давно их земли элины-колоницы) с детства приучала к тому, что смерть – это начало возрождения. А значит, часть жизни. И нечего тут печалиться или бояться.

Он пошарил взглядом: а где ж детёныш, что пищал ночью? Не почудилось же ему!

Детёныш тогда пищал – это точно. Но теперь перед ним, распластавшись, валялись только фигуры перегрини с женой.

Пристальнее взглянув на женщину, он заметил, что украшений, прежде звонко позвякивающих на ней при ходьбе, нынче и в помине нет. Да и вещи размётаны, видно, рылся кто-то. Наверняка, тот и рылся, кто тополем дорогу перекрыл! И детёныша забрал, хотя... это ценность весьма сомнительная! Слишком мал – одна возня!

Кому он мог понадобиться?

Впрочем, если вырастить да подкормить, можно и ему найти применение в хозяйстве. Но те, что сотворили этот разбой, вряд ли отличаются хозяйственностью! Тогда зачем он им понадобился? По степи, конечно, бегают немало голодных тварей. Но те драгоценностями не интересуются.

Непонятность происшедшего нервировала.

...Надо убираться отсюда, пока рядом не положили! Хотя, чего уж теперь остерегаться, если здесь взято всё, что можно было взять?

Взглянув на перегрину, Возница внутренне охнул.

Всё, да не всё!

Как это злодеи не сняли перстень? Не заметить его невозможно, не маленький.

Однако, взявшись снимать украшение с крупного мосластого пальца чужеземца, понял, почему. Перстень никак не желал слезать.

Тогда Возница, оглянувшись по сторонам, нагнулся и отгрыз сустав с перстнем.

Крайне не подходящие друг другу

1

Кровь оказалась неожиданно тёплой. А pereгрин издал мучительный стон.

Вот ещё! Возница выплюнул палец и возмутился: зря старался-кусал. Как это могло получиться? Видите ли, только что лежал мёртвый-холодный, а тут надумал оживать! У этих чужеземцев всё не как у людей!

Придётся перстень вернуть.

Он вытер губы и с досадой перевернул неожиданно воскресшего pereгринa. Отбросил ему волосы с лица, чтобы хорошенько рассмотреть.

Тот приоткрыл глаза, и Вознице стало ясно, что мороки предстоит немало. Бросить его теперь тут никак нельзя.

Занять «тихий угол» в семействе Возницы означало получить место, о котором все, кому не лень, спотыкаются чуть реже, чем о всякие другие.

В обширной турлучной* хижине клубилось невероятное количество детей всех возрастов и женщин с детьми на руках. Семейство было необычайно плодовитое. Одна печаль: кормилец для всей этой оравы был всего один.

Причина, по которой Pereгрин (он и не протестовал против данного имени) не сбежал тут же, окончательно и безоговорочно, от всей этой скученности, вони и суеты – его бессознательное состояние по приезде.

Перевозка далась ему очень непросто.

Возница тоже искренне изумлялся, что пострадавший седок до сих пор жив: судя по полученным ранам и переломам, этого не должно было случиться. Поэтому, пока перевозил, всё проверял, не «отпустить ли уже с миром» это истерзанное тело?

Но «тело» оказалось упрямое и не желало сдаваться. В отличие от сломленного духа.

– Зря ты меня тащил сюда, – первое, что прошептал Pereгрин, перенесённый из повозки в хижину, на помост, застеленный сухой травой, пахнущей остро и одуряюще. – Чувствую, сил уже нет. Да я и не хочу жить. Без моей Оливии.

Он хотел отвернуться к стене, пытаясь скрыть слёзы бессильного отчаянья, но боль остановила его. Сознание, сжалившись, уплыло в спасительные края.

...Милое личико Оливии приблизилось, губы беззвучно шептали... Что? Не разобрать...

Как ласкает сердце её красота!

Как ЛАСКАЛА сердце, до того, как увидел он её там, внизу – ...нет, не хочу думать об этом!..

Тьма с готовностью стянулась к центру...

**Турлучная хижина – стены из шестов, вкопанных в землю, переплетенных лозой или хвостом и обмазанных глиной.*

Однако Возницу не волновали тонкости самочувствия больного, он торопился, был деловит и совершенно не расположен к сантиментам. Слушает ли его кто-нибудь, его тоже не заботило.

Худое безбородое лицо было бесстрастно, даже брезгливо. Чувствовалось: недоволен собой. Тулуп он сбросил, но столь же уродливую танаидскую шапку с гребнем и широким оплечьем снять даже не помыслил. Похоже, сросся с ней, забыв на голове на годы, судя по засаленности и обтрёпанности.

– Ну, прости, дорогой. Раз уж дело сделано, придётся тебе жить. В моём доме больные не умирают. Я с тобой и так уж один раз понапрасну постарался – зря грызнул, – искоса глянул на перевязанную кисть чужака, покрутил носом и добавил, – хотя, ума не приложу, как я мог ошибиться, совсем нюх потерял: живого с мёртвым спутал!

Куренье травяных дымов, организованное его быстрыми руками, мгновенно отпугнуло прилипчивую детвору, с визгом вылетевшую веселиться наружу.

То, что больной обмяк и не сопротивлялся, помогло Вознице, не тратя времени на утешенья, быстро и ловко обмыть и перевязать его, пристроить укрепы к переломам. При этом он всё время что-то приговаривал, приборматовывал.

Иногда эти тексты были так красивы, что Перегрин, обрывочно приходя в сознание, даже изумился: это ж подлинная поэзия! Но чувствовал, что если бы спросил этого худосочного обтрёпыша, что все эти песнопения означают, тот просто отшутился бы, плотней надвинув свою уродливую шапку.

Края, в которые удалялся бедный Перегрин, на этот раз были полны материнской заботы и ласки.

– Что с тобой, мой бедный?

– Мне плохо, мама!

– Чем тебе помочь?

– Как жаль, что ты не со мной!

– Я с тобой, мой родной!

– Мама-мама, я не хочу жить!

– Тебе нельзя, без тебя она не выживет.

– Кто «она»? Моя Оливия умерла и похоронена. Моё сердце, моя жизнь похоронены вместе с ней. Там, рядом с этой проклятой ложиной, погубившей нас.

– Твоя маленькая дочь без тебя не выживет. Держись мой дорогой! Тебе просто необходимо выжить, чтобы могла выжить ваша с Оливией девочка!

– ...Родилась девочка?

– Да...

– Она выжила?

– Пока она жива. Но что с ней будет дальше, зависит от тебя.

– Но где же она?

– Ты найдёшь её...

– Мне придётся жить?

– Тебе придётся помочь ей, милый...

2

Перегрин так загулялся по ту сторону сознания, что Возница забеспокоился.

Ему было непонятно, что он сделал не так, почему больной так долго не приходит в себя. Оставалось попробовать ещё одно средство. Он достал перстень, ради которого пришлось откусить палец чужеземца, покрутил его. Очень старая вещь. И очень непростая.

Он не ошибся в своём предположении. Как только перстень оказался на пальце, соседнем с откушенным, ...больной открыл глаза.

– Где ребёнок? – пробормотал он непослушными губами.

– Что? – Возница не ожидал столь быстрого результата.

– Рядом с нами, там, внизу, куда мы свалились, был ребёнок. Моя Оливия... Роды начались как раз перед тем, как это случилось... Где он, ребёнок?

– Я ...слышал ребёнка. Но не видел его, – Возница решил, что быть честным в этой ситуации лучше всего.

– Так ты слышал ребёнка, но не забрал его? – больной возвысил голос.

– Там была тьма крошечная! – Возница, услышав собственные оправдательные интонации, разозлился и пошёл в наступление. – А за тобой охотились! Ты был со мной недостаточно откровенен: не сказал, что тебя преследуют какие-то бандиты! Я запросил бы больше денег за риск связываться с тобой!

– Но как ты мог бросить беспомощного ребёнка? – еле вставил Перегрин и замолк от напора.

– Беспомощного?! Это я среди вас всех – беспомощный! Оглянись! Что ты видишь вокруг? Да-да! Кучу голодных ртов! Здесь не один ребёнок! И помощи – никакой, ни от кого! Кто взялся бы кормить их всех, если бы меня убили, ради твоей прихоти? Задумайся!

– Ребёнок – не прихоть. Он – дар Создателей, – еле слышно проговорил больной, будто не свои слова. – Мы же договорились... Ты же взялся... Я поверил тебе...

– Он мне поверил! Вот спасибо за честь! – Возница распалился, его глаза из-под надвинутой шапки сверкали гневно и непримиримо. Хриплый голос звучал так резко, что детвора и женщины, постоянно мельтешащие вокруг, испуганно притихли. – А что мне дало общение с тобой? Кучу неприятностей, которую совсем не окупила плата, полученная перед поездкой? И, судя по твоему состоянию, расплатиться за лечение ты тоже не собираешься?

– Прости...

– То-то же! Спасай вас тут каждого, да ещё выслушивай потом! – Возница сердито гремел плешками, прибирая и рассовывая по полкам и коробам свои «лекарства».

Больной притих, даже дыхание стало еле слышным, как если бы он добровольно решил не дышать. Но когда Возница встревоженно обернулся, он встретил его вопросом.

– Его можно найти?

– Ребёнка-то?

– Да.

– Тебе это надо?

– Да, очень.

– Понимаю тебя, – Возница присел напротив и пристально всмотрелся в глаза постояльца.

– Так ты сможешь?

– Думаю, это возможно. Здесь все обо всех всё знают. Особенно о новых людях. Я помогу, ...постой, не благодари! Помогу, но только, если заплатишь мне. Ты, похоже, из тех людей, с которых плату следует брать заранее, потому что они постоянно норовят свинтить из этого мира. И зачем я только связался с тобой! Не мог мимо пройти!

– Как же я заплачу, если у меня украли всё, что было? Ты лучше меня знаешь об этом.

– Нет денег – нет дела!

– Ну и мерзавец же ты! Это ведь по твоей вине моего ребёнка украли! Если бы ты не струсил, как последний негодяй...

– Да, я мерзавец. И негодяй, – злобно ощерился Возница. – И это единственная причина, по которой я могу кормить семью. Поэтому я горжусь тем, что ты считаешь оскорблением. Ради денег я готов и продать, и предать, и убить! Больше того: после ещё и не обижаться на оскорбления! Не нравится? Можешь убираться! В тебе здесь не сильно нуждаются!

Перегрин, словно от удара, обессиленно откинулся на своём ложе.

Возница, сочтя разговор оконченным, поднялся и собрался было уходить. Но тут Перегрин от ненависти сжав кулаки, застонал от боли и воскликнул.

– Перстень! У меня же остался перстень! Возьми его! Он, правда, старый и потёртый, но посмотри, какая тонкая работа! Его подарила мне мать, на память. Но, думаю, она будет рада, если он послужит ... другому делу.

Увидев ответное выражение лица своего лекаря, Перегрин смутился.

– Что? Что не так?

– Ты хочешь отдать свой перстень?

– Да, а что тебя не устраивает? Тебе ведь нужна плата? У меня нет больше ничего, кроме этого перстня.

– Но он не годится для оплаты!

– Почему? Он тебе не нравится?

Возница засучил рукав, прикрывающий кисть, и Перегрин увидел такой же перстень, только развёрнутый выпуклостью в ладонь. Разочарованно вздохнул.

– А, так у тебя такой уже есть, поэтому ты не хочешь брать?

Возничий, будто не слыша, мягкой звериной поступью вернулся к постели больного.

– Это не твой перстень? Ты его не используешь? Ты, кажется, сказал, он принадлежал твоей матери?

– Да, она родом из этих краёв.

– Я понял. Об этом можно было догадаться по твоим глазам. И как же тебя, неудачливый, занесло в наши земли? Чего не жилось там, откуда ты?

Перегрин отвечал с трудом не только из-за боли.

– Мы с братом влюбились в Оливию. Брат оказался сильнее и удачливее. Больше радовал родителей, отца, во всяком случае. Он обманом вынудил родных Оливии назначить свадьбу. Но она любила меня! И в то время была уже беременна. Нам пришлось бежать. Моя мать, она одна была за нас, помогла устроиться на корабль, сказала: «Бегите через море, на север, подальше». На память дала свой перстень с руки.

– На память? Этот перстень? Она так и сказала: «На память»?

– Сказала? Нет, сказала она что-то другое, что, я уже не помню. Очень переживал. Кажется, что-то про золото в Крае Белоглазых тан. Чтоб я не прикасался к нему...

– А про перстень?

– Да не помню я! Не до того мне было, я об Оливии беспокоился, погони боялся. Да что ты привязался? Хороший перстень, бери, у тебя вон какая семья, подаришь кому-нибудь или продашь. А мне помоги, умоляю тебя, помоги найти мою дочь!

– Станный ты, очень странный!

Маленький худой Возница смотрел на рослого Перегринна, как старший и разумный на никчёмного, нежизнеспособного недоумка.

– Ну, ничего, ребёнка всё равно нужно отыскать – тут я с тобой согласен. Не видел, какие у неё глаза, но, думаю, придётся постараться. Чтоб потом не жалеть...

Возница вышел. А Перегрин с недоумением заключил.

– Говорит, что я странный. А сам несёт полную ахиною: я ему про дело, а он мне про глаза! Дурачок чумазый! И перстень не взял, а клянчил: «Заплати, да заплати!»

3

Через несколько дней Возница вернулся под вечер, усталый и злой. И, даже не спросив постояльца, как тот себя чувствует, буркнул.

– Пойдём, я нашёл.

– Ты нашёл мою дочь? – изумился Перегрин. – Так быстро?

– Ну, да. Я ж обещал. Пойдём. Надо сделать всё поскорей, пока они вышли.

– Кто они-то?

– Не важно. Давай, пошевеливайся!

Он помог скособоченному от боли и повязок Перегрину взгромоздиться на лошадь. Тот только охал, хватаясь то за сломанные рёбра, то прижимая увязанную в лубок руку.

Дорога не заняла много времени, довольно быстро они въехали в безлюдное селение. Тихим шагом добрались до укромного турлучного домика и спешили. Возница вошёл в него бесшумным шагом. Перегрин, с трудом сдерживая стоны и подбирая повязки, еле ковылял следом.

В нише, перед фигурками богов, горел огонёк масляного светильника.

Крошечный ребёнок, укутанный в белые пелёнки, лежал в плетёной корзинке и спал. Рядом никого не было.

– Твой? – Возница требовательно упёрся взглядом в Перегрин.

– Откуда ж я знаю, мой или нет? – громче, чем можно было, от растерянности вскрикнул Перегрин. – Я же его ни разу не видел! А почему он такой мелкий? Что тут можно разобрать?

– Тише ты, не ори! Забыл, что не у себя дома?

– Да-да, конечно... Я молчу! А можно спросить у этих людей, откуда он у них? Так и узнаем: мой или не мой!

– Как же, скажут они тебе! Ладно, рискнём, хуже не будет!

Возница схватил ребёнка на руки, вышел наружу и с поклонами закричал на три стороны: «Волчица принесла волчонка!», «Волчица принесла волчонка!», «Волчица принесла волчонка!».

Перегрин присел от неожиданности. А ребёнок проснулся и, несмотря на малость, реванул на всю округу, встревоженный бесцеремонным с собой обращением.

– Не ошиблись! – увидев его глаза, удовлетворённо пробурчал Возница.

Из самого высокого дома, перед центральной площадью поселения, выскочили люди и, размахивая руками, с воплями: «Чужие! Чужие!» – бросились к ним.

Пора было удирать.

Перегрин беспомощно переминался с ноги на ногу. Он давно бы уже схватил свёрток и прыгнул на коня, но понимал: без помощи не справится. Приходилось ожидать спасительной поддержки от опытного спутника.

Но тот повёл себя непредсказуемо: несколькими прыжками влетел в дом, вложил младенца в корзинку и рывкнул.

– Бегом! По коням!

– Куда «бегом»? Ты что, сдурел? Надо было по-тихому забрать его! Зачем орал? Зачем ты его туда вернул?

– Забрать младенца? На что он тебе? – вопил Возница, толкая нелепо растопырившегося Перегрин к коню.

– Мне ребёнок нужен! Зачем ты кричал, созвал всех? – возмущался тот, разрываясь между ребёнком и необходимостью бежать.

Наконец Вознице удалось бесцеремонными пинками, с помощью подставленного колена и плеча взгромоздить Перегрину на коня. Сам он взлетел на своего мигом и сразу жестоко огрел обоих животных и подбежавших преследователей плетью. Кони понеслись, не чуя земли.

Только оказавшись далеко в степи, они перешли на медленный шаг.

Ночь укрыла всадников.

Погони не было слышно. Видимо, поняв, что незваные гости ничего не украли, хозяева сочли преследование излишним.

4

Перегрин, возмущённый бесполезным риском, швырялся сорванными повязками, орал, рычал, осыпал спутника бесчисленными оскорблениями, пересыпая их жгучими сожалениями.

– Дохлый чёрт, недолугий! Что ты наделал! И зачем я только связался с тобой! Ещё в первый раз, когда увидел, сразу подумал, что от такого грязного уroda ничего хорошего не дождёшься! Так и вышло! Никчёмный заморыш! Только на коня твоего рослого купился! Да что толку в коне, если у всадника головы на плечах не хватает! Ещё и заплатил ему! За что? Всё, всё испортил! Всю жизнь мою загубил! Убил бы тебя, гада ненавистного!

Обескураженный Возница держался на всякий случай в стороне и не вступал в разговор, обдумывая услышанное. Только увидев, что бедняга Перегрин обвис на коне и, видимо, близок к обмороку, подъехал ближе. Начал нерешительно.

– Я думал, ты ищешь ребёнка, для того, чтобы известить всемилостивых богов о его рождении и просить взять под своё покровительство! Это не было сделано при рождении, но необходимо! А теперь всё в порядке. Ты можешь быть совершенно спокоен.

Высказавшись, отъехал на безопасное расстояние, потому что Перегрин горестно встретился:

– Как могу я быть спокоен, если ты совершенно по-дурацки привлёк внимание всей деревни своими никому не нужными воплями? В то время как надо было только забрать ребёнка, чтобы никто этого не заметил! Забрать! И всё!

– Так тебе нужен младенец?

– Да! Мне казалось, именно для этого мы туда и ехали!

– Тогда я неправильно понял тебя. Надо было ясней высказываться! А то бубнит еле-еле!

– Я ж просил тебя. Ты денег хотел за это. Куда ясней?

– Я денег просил за проведение первичного обряда посвящения твоей дочери в Белоглазые таны. Что и сделал. Весьма достойно сделал, заметь, несмотря на опасность!

– Чего-чего? Какие там ещё «таны»?

Возница закатил глаза.

– Боги! Зачем вы наделяете немереной милостью тех придурков, которые всё равно не в состоянии оценить ваших даров?

– Ах, ты гад! Ты ещё и увливаешь? – Перегрин бросился на него с кулаками. Но забыл о собственных ранах. Он свалился с коня с таким звуком, что можно было предположить, что встать ему уж не придётся.

Возница молча постоял над ним, однако помогать не стал: захочет – сам встанет. Выжить должны сильнейшие. А доля слабаков – освободить зря занимаемое место.

Невозмутимо разжёг костёр и достал припасы из засмоктанной сумки, привязанной к седлу. Он долго сидел, размышляя в одиночестве, раскладывал на листьях лопуха поджаренный сыр. Потом, уловив шевеление, заговорил.

– Глупец! Зачем тебе этот назойливый пискун? Я могу дать тебе подобных дармоедов из собственной семьи – сколько хочешь!

– Зачем мне твои? Мне свой нужен!

– Ты же собирался идти дальше на север! Как ты думаешь идти с грудным младенцем на руках? И себя измучаешь и его не сохранишь – всё равно не выживет! А там, в деревне, его вырастят, выкормят, там женщины его поднимут – будь уверен, этому ребёнку умереть не дадут!

– Для чего он им?

– Кто их знает! Скорей всего, для продажи.

– А тем, кто купит, для чего?

– Детей покупают для разных целей, – уклончиво проговорил Возница. А про себя подумал: «Лучше с тобой не обсуждать, для каких. А то ведь с таким бешеным бугаем* потом не совладать будет!»

– Это единственное, что осталось у меня от жены, – слышался еле слышный голос. – Я хочу забрать его.

– А-а. А я думал...

– Что ты думал? Что ты мог думать? – бессильно рыдал Перегрин, с трудом ворочаясь и усаживаясь. – Откуда ты узнал, где ребёнок?

– Ночью сбегал, разнюхал.

– Что ж ты меня не мог взять?

– Ты весь изранен. Не хватит сил превратиться.

– Во что превратиться?

Возница со вздохом уставился на собеседника, терпеливо, как с неразумным, продолжил.

– Перстень тебе зачем? Для украшения?

– Мать на память при расставании дала. Я ж тебе говорил.

– И у тебя никогда своего такого не было?

– Были. Разные. Такого не было.

– А мать, когда перстень передавала, не рассказала, зачем он?

– Ничего такого она не говорила.

– Интересно. Что же мне с тобой делать? Навязался ты мне на шею, не скинуть теперь! Видно, причина была, раз мать ничего не объяснила. Интересно только, что за причина? Дай-ка мне его!

Перегрин с трудом стащил перстень с узловатого пальца. Отдавая, чуть помедлил, точно увидел впервые.

Мощный, реальгарового окраса волчара будто дыхнул смрадом хищно оскалившейся пасти...

**Бугай – большой, громоздкий человек, похожий на быка.*

5

Базарный денёк выдался замечательный.

Лучшие базары побережья традиционно были всё-таки в Тан-Амазоне. Даже несмотря на то, что самих амазонок уже не было, и восстанавливать город после того, как море отхлынуло с него, было почти некому. Осталось несколько увечных-калечных, вынужденно отбившихся от своих. Они всем и заправляли.

Однако на удобстве центральной площади это почти не сказалось. Каменные ступени амфитеатра окружали её так же, как и прежде.

Только новые водоросли, заселившие камни и закрепившиеся в щелях и впадинах, придавали ступеням красноватый оттенок. Амазонки любили красный цвет, поэтому новому украшению амфитеатра было обеспечено благоденствие.

Возница усадил Перегрину на каменную скамью повыше и поближе к выходу, строго наказав, не снимать шапку. Таковую же уродливую, как у него, только почище. И пока тот боролся с одышкой и бережно растирал повязку на срастающихся рёбрах, метнулся в толпу и вернулся с бурдючком тана и горкой печёной рыбы, завернутой в большой блин.

Перегрину ужасно хотелось есть. Но он боялся, что пропустит момент, когда его ребёнок будет выставлен на продажу. Десятки раз он уточнял, действительно ли Возница готов выкупить его дочь и надоед тому до смерти:

– Я буду работать, я грамотный. Я все деньги буду отдавать тебе. Мне только нужно выздороветь, а так я буду работать и все деньги отдавать тебе! Ты мне веришь?

– Если бы не верил, ни меня, ни тебя здесь не было бы, – досадливо бормотал Возница, выбирая губами и руками рыбы кости. Сплюнув в завершение трапезы, он обтёр жирные руки об остатки блина и отправил его в рот. Даже во время еды он не счёл нужным откинуть свою танаидскую шапку с оплечьем, крайне неудобно нависающую прямо на нос.

– Как только у меня появится хоть немного денег, я сразу отправлю письмо на родину. Моя матушка не откажется помочь. Ты не бойся, деньги будут. Ты только помоги, а я расплачусь! Ты веришь мне? – вид товарища казался Перегрину излишне пассивным. Он нервничал.

Возница, только чтобы уgomонить, вложил ему в руки остатки еды и знаком показал заняться ими. Сам же, отвернувшись, выискал в толпе пожилую женщину и, получив на свой вопрошающий взгляд утвердительный кивок, успокоено уселся и принялся разглядывать подготовку к продаже.

Перегрин с удивлением отметил: с его никчёмным на вид спутником весьма уважительно раскланиваются многие встречные: и танаиды, и таганы с синёными фонтанчиками волос на темени. Он же отвечает досадливо, а порой и вовсе отворачивается.

Торговля рабами организовывалась здесь обычно в порядке, узаконенном веками.

Сперва – самые дешёвые. Обычно это были дети, из которых пока неизвестно какой прок выйдет, потом шли работяги для чёрных трудов. Завершался базар тайно приберегаемым «на закуску» самым лакомым экземпляром: женщиной-красоткой, самой природой созданной для любовных утех, или мужчиной-суперсилачом. За таких порой запрашивали фантастическую плату, и легенды об этих суммах служили отличной рекламой самому амазонскому базару.

Но ни разу не видел Перегрин, чтобы распорядителем на рынке рабов была женщина! На его родине, на Итальянских холмах, подобное было немислимо!

Впрочем, чему удивляться? Перед ним знаменитый Тан-Амазон! Своё право – быть законодательницами – амазонки отстояли в боях. И пока его никто не оспорил.

С интересом он уставился на крепкую одноглазую тётку, уверенной походкой кривоватых ног (наездница!) вышедшей в середину круга и прогорланившей начала торгов.

– Готовьте золото, уважаемые! Что может быть надёжней вечного металла! Серебро мы тоже принимаем, но кошельками, а не монетами! Помните: амазонский рынок рабов не размещается на мелочи! Мы не занимаемся бросовым товаром! Поэтому готовьте золотишко!

– У тебя ведь есть золото? – заботливо поинтересовался Перегрин у Возницы.

– Есть-есть, – рассеянно пробормотал тот, напряжённо всматриваясь в бурлящую толпу.

По его виду ни за что нельзя было поверить в то, что у него за душой хоть что-нибудь имеется: неряшливая рубаха и штаны, поверх них – кожаная длинная безрукавка. Уродливая танаидская шапка, с которой он будто сросся, завершала облик. Но приходилось верить, выхода не было.

– Смотри, вывели детей! – Перегрин подскочил на своём месте, чем вызвал вопли недовольствия сидящих сзади. Пришлось сесть.

Он не верил своим глазам: ничего похожего на его ребёнка! Были дети малые и побольше. Но не было ни одного грудничка! А Возница так уверял его, что ребёнка готовят именно к продаже! Именно на этом рынке! Именно в этот день!

6

Сердце оборвалось у бедняги в груди, жуткое опустошение дохнуло смертным холодом. Будто Оливия умерла только что, а он, обещавший ей любовь и счастье, не сдержал слово!

– Ты! Ты обманул меня! Её нет! – он вцепился в кожаную жилетку Возницы. От отчаянья бедолага готов был грызть её зубами.

– Да отвяжись, ты, бешеный! – злобный тычок под рёбра заставил его отцепиться и, судорожно хватая воздух, прижать ладони к больному боку. Возница нахлобучил ему слетевшую шапку и отвернулся.

Самонадеянность этого дохляка бесила Перегринна всё больше и больше: он, видите ли, настолько был уверен в себе, что даже не боялся повернуться к нападавшему спиной! Не будь вокруг столько народу, подлый враль немедленно поплатился бы! Клыки Перегринна просто ныли от желания вонзиться в его шею!

Тем временем на арене разворачивался оживлённый торг.

Среди прочих присутствующим представлены были два очаровательных близнеца-десятилетки. Чтобы наилучшим образом продемонстрировать достоинства товара, мальчикам приказано было сбросить одежду, повернуться одним боком, другим, наклониться, присесть, пройтись по кругу.

Братья выполняли все указания покорно, кроме одного: расцепить руки. Они были настолько похожи друг на друга и настолько хороши собой, что предлагаемые суммы росли на глазах. Почётные покупатели, занявшие первые ряды, сумели оценить красоту товара.

Возница нервно грыз ноготь. Перегрин впервые увидел, как волнение сменило на его лице привычную маску равнодушия.

– В чём дело? – он ещё раз взглянул на детей, их лица показались знакомыми. Они будто выступили из бреда. Не может быть...

Два торговца сцепились в соревновании: кто переупрямит в звоне золотых за право обладания близнецами. Победил носатый в чёрном плаще с синим фонтанчиком волос на темени. И Возница с облегчением осел на лавку.

– Слава всемилостивым богам!

– Кто они, эти дети?

Но тот будто не слышал.

– Что произошло? Я не понял, – Перегрин знал, что имеет глупый вид, но не желал угомониться.

– Мне удалось сейчас крайне выгодно продать своих братьев-близнецов, – по худому лицу собеседника расплылась улыбка.

– Как?! Ты продал собственных братьев?

– Ну, да! И очень выгодно! Их купили в соседний город, Тан-Таган.

– Слушай, как же это возможно? – Перегрин не находил слов для возмущения. – Ты сделал рабами, товаром, собственных братьев? А что скажут родители? Твои родители живы?

– Мать. Она стара и больна. Ей уже давно не до них. Она нарожала их целую толпу, они продолжают плодиться, а выкармливать приходится мне.

– Но зачем же было продавать братьев?

– М-м... Мне нужны деньги.

– Ты ведь сказал, у тебя есть золото, в частности для того, чтобы выкупить моего ребёнка!

– Теперь есть. Вернее, его дадут мне в конце торгов.

– Но я не знал, что для того, чтобы помочь мне, ты решишь продавать своих братьев! Я ни за что не попросил бы у тебя такой жертвы!

– При чём тут «жертва»? – в хриплом голосе Возницы прозвучала такая досада, что Перегрин, опасаясь очередного тычка под рёбра, решил плюнуть на чужую проблему и сбавить накал разговора.

– Послушай, они перешли уже к женщинам-рабыням. Потом будут мужчины. Я знаю порядок. Нам нет смысла оставаться. Ты ошибся. Надо искать ребёнка в другом месте, там, где мы видели его в последний раз.

– Наивный! Неужели ты думаешь, что он там до сих пор лежит и ждёт тебя? Да его перевозили с одного на другое место десятки раз!

– И ты знаешь, где он может быть?

– Думал, что знаю. Должен быть здесь. Странно, почему его не вынесли на торги. Может, заболел или... – договорить ему не удалось. Перегрин вновь взбунтовался.

– Чем сидеть здесь и заниматься преступными продажами родственников, лучше бы искал получше! – вопил он вне себя.

– Тише ты! Не ори, а то нас выгонят! – шикнул на него Возница. – Мы вынуждены дожидаться конца торгов. Я же должен получить деньги!

7

Взаимно обозлённые, они молча просидели всё время, пока торговали женщин – по одной и группами. Потом мужчин – для работы в шахтах, в полях и прислугой. Интрига вызревала: что же припасла одноглазая под завязку торгов?

Богачи на передних сиденьях заёрзали, она ни разу не обманывала их ожиданий. Последний экземпляр всегда был не только полезным, но и отличным развлекающим моментом. Борьбой влияний. Соперничеством кошельков. Сопровождаемым приятнейшим эмоциональным взлётом, о котором потом долго можно было судачить в кругу друзей.

И вот он, этот миг!

Торжествующая амазонка вышла в центр арены и застыла, наслаждаясь паузой. Красная юбка колыхалась на ветру, кожаный пояс сиял в свете солнечных лучей всеми начищенными заклёпками и застёжками. Браслет превращенки добавлял значимости.

Несмотря на подпорченное лицо, она была невероятно хороша и колоритна! Воительница! Кто сказал, что амазонки выродились? На этот раз она командовала весьма умело! Золото было готово выплеснуться рекой – только ждало её сигнала!

Зычный голос наверняка слышен был на самых дальних улицах:

– И последнее предложение амазонского рынка на сегодня...

Барабанный бой прервал её слова, взбодрив всех придремавших. Выдержав паузу, накалившую нервы до предела, она выкрикнула:

– Бело-гла-зая ...тана!!!

Общество, готовое взорваться приветственными воплями в ожидании развлечения, смолкло, будто сдулось.

– Что-что? – зрители не верили своим ушам.

– Белоглазая тана?

– На торги выставлена ...Белоглазая тана? Не может быть!

– Вы слышали?

– Ага!

– Это невиданно!

– Белоглазая тана будет продана в рабство? Что за дикость?

– А что вы хотите? Кто запретит?

– Белоглазые танаидки – сейчас большая редкость! Почти выродились!

– Но они же, ...они – покровительницы наших земель! Нельзя!

– Их времена прошли! Осталось ...вспоминанье о власти танаидов на побережье...

– Давай-давай! Самое время!

– А что скажут сами танаиды?

– Подумаешь, танаиды! Кого это интересует?

– Они уже давно разучились держать оружие в руках, твои танаиды! Пусть попробуют возразить!

– Танаиды уже давно сами торгуют своими собратьями! – раздался ехидный возглас сзади, явно, в расчёте на уши Возницы. Перегрин искоса глянул на спутника. Тот был невозмутим.

– Но не танами же, – жалобно пискнул кто-то поблизости.

Отпихнув поднявшегося Перегрин, Возница вскочил и устоялся на арену: по взмаху распорядительницы в центр вышла молодая застенчивая женщина-степнячка с грудным ребёнком на руках.

Общество охнуло: «Младенец? Тана-младенец?»

Свёрток был значительно крупнее, чем тот, что они видели в последний раз. Что ж, если это был тот самый ребёнок, его выкармливали старательно, заботились о нём – это было вполне ожидаемо. Потому что, как верно разузнал Возница, его готовили для продажи. А продать можно тем дороже, чем лучше вид у товара.

«Товар! Моя дочь – товар! – кровь ударила в голову Перегрин. – Какой позор! Какое несчастье! Знали бы родители, до чего я дошёл!»

Сидящие на скамьях, даже те, кто не собирались принимать участие в заключительных торгах, разбушевались не на шутку. Разгорался скандал.

– Покажи тану!

– Докажи, что тана!

– Откуда мы знаем, что это тана?

Амазонка бестрепетной ручищей взяла у степнячки свёрток, отбросила покрывало.

– То самое покрывало с меандровым узором, – ахнул Перегрин, – покрывало Оливии!

– Тише, ты! – дёрнул его Возница.

Но было поздно. Крайне подозрительная пара субъектов, явно не местные, хмуро переговариваясь, уставилась на них. До Перегрин только донеслись обрывки разговора: «Проклятые дикари» и «...кажется, продешевили!».

Тем временем амазонка, торжествуя, демонстрировала обществу упитанную девочку. Ребёнок действительно был уникален, не похож ни на одного из присутствующих на этом сборище. Кроме единственного человека: Перегрин. Тому сразу стало понятно, зачем на нём такая глубокая шапка.

Глаза только у них двоих были одного цвета: светлые, почти белые. Гораздо светлей яркой кожи лица.

8

Торг начался с сумм весьма значительных.

Этим сразу отброшены были от соперничества всякие нищоброды. Серьёзные же претенденты повели диалог степенно и обстоятельно.

Сперва они удостоверились: здорова ли девочка, натуральный ли цвет глаз, нет ли тут жульничества, и даётся ли в придачу кормилица? Пытались было выяснить, каких корней ребёнок, не появятся ли неожиданные претенденты, могущие опротестовать покупку. Однако распорядительница уверенно заявила, что родители малютки мертвы, и она никому не нужна. Поэтому «продажа чистая и денег можно не жалеть»!

В этот момент Перегрин захотел выскочить вперёд и заявить свои отцовские права на ребёнка. Но Возница успел остановить его, тайком указав на пару подозрительных бородачей, сверливших их глазами.

– По-моему, это те самые, что охотятся за тобой, – тихо произнёс он, почти не шевеля губами. – Вы знакомы?

От вопроса будто включилось узнавание.

Да, конечно, эти типы знакомы ему! Он встречал их там, на далёкой родине, на улицах, прилегающих к дому брата. Особенно вон того, бойкого! Такое совпадение не могло быть случайным. Вот оно что! Значит, ...это брат послал им вслед убийц? И Оливию не пожалел! А ещё распинался о своей любви! Боль утраты вновь прихлынула к сердцу, бедный Перегрин готов был разорвать убийц любимой голыми руками!

Но тут чужаки быстро поднялись и почти бегом, очень проворно растворились в орущей, возбуждённой толпе. При этом даже чуть не сбили с ног весьма эффектную молодую женщину в маске. Окружающие её юные девушки бросились на подмогу.

В таком многолюдье и возне проследить путь бородачей оказалось невозможно. Кто они? Узнали ли они Перегрину, как он их, или нет, осталось непонятным.

Нужно было срочно разобраться, выяснить правду!

Догнать?

Но боец из него пока ещё был никакой. А просто обнаруживать себя в таких условия – было неразумно. Если это наёмные убийцы, они легко могут завершить порученное дело: добить его. И чем он тогда поможет своей беспомощной малютке?

Перегрин ощущал себя предателем по отношению к дочери, будто во всеуслышание отрёкся от неё.

Но выбора не было. Если он привлечёт к себе убийц, лучше никому не будет. В сложившихся условиях приходилось рассчитывать только на возможность выкупить малышку. Лишь сейчас он оценил мудрость спутника, собиравшегося сделать это через посредника, не привлекая внимания к себе. И пожалел о собственной несдержанности.

Тем временем состоятельные граждане, узнав о безродности девочки, потирали руки: «Она ничья!» Складывалась поистине уникальная возможность заполучить в собственность подлинную Белоглазую тану! Такую редкость! Такую знаменитую редкость, которая может стать главным украшением дома и показателем исключительных возможностей хозяина!

9

Единственной проблемой было достаточное количество золота! Но это преодолимое препятствие – так считали тут многие, занимающие полукругом первые ряды.

– Пять золотых!

– Десять!

– Пятнадцать! – аппетиты претендентов только разгорались от раздувающейся цены. Эта сумма уже оказалась выше самой дорогой предыдущей продажи – могучего раба-северянина, ушедшего за одиннадцать золотых.

Кормилица успела и перепеленать малышку, и побаюкать, и покормить, а страсти только накалялись. С целью сбить цену вступили «критики».

– Пустая затея, – цокал языком один.

– Ага! Бабы сказки о белых глазах! – поддакивал другой.

– Откуда этот кусок мяса в пелёнках может что-то знать? – соглашался третий, делая вид, что собирается уходить. Но не уходил, а подмигнув кому-то на первых рядах, продолжал выкрикивать, скрываясь за спинами.

– Ещё неизвестно, выживет ли она без матери! На чужих-то руках! Риск какой! Так чего цену ломить?

Покупатели опять потребовали продемонстрировать ребёнка. В ответ девочка так раскричалась, что пришлось отодвинуть их с кормилицей на задний план – ничего не было слышно из-за её воплей!

На подмогу распорядительнице выскочила ещё пара подруг, таких же кривоногих. Перекрикивая «критиков», подбавили жару, подбрасывая комментарии, вспыхивающие в головах торговцев жадной соперничества.

– Белоглазые таны – хранительницы тайных знаний, настоящие обереги для нашего побережья! – выкрикивали они, расхваливая товар.

– В древности им запрещено было покидать наши земли, ради этого их даже превращали в каменные статуи и устанавливали на холмах!

– Все видели каменные статуи? Это они, таны!

Народ загомонил.

– Конечно, видели!

– Тайных знаний! Слышал?

– Ого!

– Вот бы...

Перегрин вытянул шею, надеясь услышать, что «...вот бы...»? Хотелось понять смысл происходящего безумия: чего хотят все эти люди от беспомощного младенца? Ради чего вяжутся в схватку кошельков?

– Пятьдесят золотых! – выкрикнул носатый с первого ряда, что купил близнецов.

– О-о! Наше почтение! Уважаемый житель Тан-Тагана блеснул величием! – амазонка знала, как польстить богачу.

– Шестьдесят!

– ...После Великой катастрофы и междоусобной войны белоглазые девушки стали такой редкостью, что второго случая заполучить тану в собственность у вас может и не появиться! Ловите момент, пока и эта не окаменела! Не жалейте денег! Настоящая тана! Небывалое везение! – разливалась одноглазая.

10

Перегрин застыл, сам словно окаменев.

В какую историю он попал? Да, у него светлые глаза, такие же, как у матери. Глаза, унаследованные и его дочерью. Но до нынешнего момента, кроме того, что они уникально красивы, ему ничего такого, что здесь о них говорят, – и не думалось!

Выражение «Край Белоглазых тан» иногда звучало в разговорах родителей между собой. Но в его присутствии они немедленно замолкали. В первую очередь, по непреклонному требованию отца. «Не хочу, чтобы весь этот ужас коснулся моих детей», – твердил он, не давая матери даже рта раскрыть для возражений.

А теперь выясняется, что их «белые» глаза значат гораздо больше, чем просто украшение лица! И за них все эти люди готовы платить бешеные деньги! И, наверняка, не ради чисто эстетического удовольствия. Цели их явно иные. Какие?

Что хотят получить все эти богачи от его дочери – так называемой «Белоглазой таны»? Какие такие тайные знания желают извлечь из неё? Вложение подобных денег просто не может быть бескорыстным – в этом он был уверен. Так же, как и в том, что его ребёнку угрожает реальная опасность. А уж фраза «каменные таны» заставила его просто похолодеть.

– ...Семьдесят! – присутствующие округлили глаза в восторге от безумия, свидетелями которого им так повезло оказаться.

Перегрин дёрнул за рукав Возницу.

– Чего, скажи, чего они все хотят от неё? Зачем она им за такую цену?

– Не сейчас! Потом! – прошипел тот, почти не разжимая губ. Похоже, он тоже был ошарашен происходящим. Крутил головой, зыркал глазами из-под шапки.

– Семьдесят пять золотых! – выкрикнул некто, сидящий на первом ряду, но до сих пор не принявший участия ни в одном из торгов.

– Почтенные жители побережья! Архонт Тан-Аида Эсхин решил вступить в бой лично! Танаиды не желают отдавать уникальную тану соперникам! Ведь девочка – копия их белоглазых предков! Вопрос в одном: найдётся ли у архонта семьдесят пять золотых? – мощный торс амазонки склонился в униженном поклоне, выражая явное желание смягчить нанесённое оскорбление.

Что поделаешь? Архонт Тан-Аида находился не у себя дома, где он был хозяином. Ему пришлось продемонстрировать присутствующим свой золотой запас. Небольшой, но вполне достаточный.

В ответ амазонка приторно защебетала в предвкушении своей доли. Отходила мелкими шажочками, оставляя за собой почти змеиный след.

– Восемьдесят золотых! – скрипучий старческий голос вмешался в переливы её излияний.

– Кто такой? – народ изумлённо качнулся к седому незнакомцу в рубахе, расшитой цветами и плодами шиповника.

– Кажется, жрец богини Росты, из Беловодья.

– Не может быть, он же давно умер!

– Взгляни на него, если сомневаешься, вроде живой! Ха-ха!

– Ему-то на что тана? Он всегда был вне споров за влияние на побережье!

Тем временем Ростовец в вышитой рубахе затеял спор, требуя себе привилегий за общепризнанные перед Побережьем заслуги. Однако ему было отказано, что вызвало с его стороны бешеную ругань на всех и вся.

...Всякий раз, когда в торг вступал новый претендент, Перегрин поедал его глазами – может, это он посредник? Потому что у Возничего ничего невозможно было вызнать. Он уж по-всякому заглядывал тому в глаза, но так и не понял: удастся или нет им выкупить ребёнка?

Звучащие суммы приводили его в отчаянье – это сколько ж ему придётся работать в порту Тан-Аида, чтобы оплатить стоимость собственной дочери!

– Девяносто золотых! – выкрикнул носатый таган.

– Сто! – архонт Тан-Аида был краток.

Ответом был всеобщий восхищённый стон.

Продолжать не решился никто. Сумма была безумно велика.

Лицо распорядительницы стало цвета её пропотевшего алого платья. Ещё и ещё раз, размахивая руками, она расхваливала маленькую тану, но безуспешно: претенденты выдохлись.

Покупать ребёнка за цену небольшого поселения с домами, людьми и скотом – оправданием покупателю-архонту могло стать только сумасшедшее желание возродить своих выродившихся белоглазых танаидов. По какой причине ввязались в спор остальные – для большинства присутствующих осталось тайной. Хотя слухи ходили разные...

В общем, торг был завершён.

За небывалую сумму – сто золотых – была впервые в этих местах продана Белоглазая тана – событие скандальное, если не сказать: кошунственное.

Но когда покупатель пожелал получить оплаченное, выяснилось, что кормилица с драгоценной малышкой бесследно исчезла. И никто не заметил, в какой именно момент их не стало.

11

Торг закрылся скандалом.

Подобного позора не бывало на памяти старожилков: покупатель уже золотишко достал, а платить-то оказалось не за что!

Обескураженная амазонка-распорядительница с несколькими подружками изо всех сил лебезила перед богатыми покупателями и особенно перед седым архонтом Эхином, чтобы сгладить неприятное впечатление от последнего эпизода.

Но это не сильно повлияло на присутствующих, те расходились разочарованными. Причём, больше всех горланили вообще не участвовавшие в торгах. Они с удовольствием судачили о странном исчезновении, обсуждали плохую организацию и даже подозревали амазонок в хитрости: якобы никакой таны вовсе не было, а всё это лишь изошрённый способ привлечения внимания к знаменитым амазонским торгам! А толстосумы так глупо купились!

Но Перегрин-то с Возницей знали, что девочка со светлыми глазами, вызвавшими настоящий переполох, на самом деле была. А если так, то куда она исчезла?

Пока они протискивались в возбуждённой толпе, Перегрин даже о рёбрах своих, которые пока надо было поберечь, позабыл. Настолько разозлился, что простую вещь сделать ему не дают – взять на руки собственного ребёнка! Будто пером по носу водят – вот-вот отдадут. Но – нет! Только руку протянешь, а ты уже не в игре, а где-то далеко за пределами!

Вот где теперь искать ему свою дочь?

Больше всего нервировала невозможность не то что повлиять на ситуацию, но просто включиться в неё. Он тщетно пытался понять, что происходит. Сознание металось, перебирая варианты.

По ходу мероприятия ещё была надежда, что кто-то из торгующихся выступает от имени его хмурого спутника – очень уж напряжённо тот следил за ходом действия.

Но потом Перегрин отказался от этой мысли. В торге принимали участие больно уж маститые претенденты, ни один по виду не годился на роль подставного покупателя от имени его нищего спутника.

То, что беспомощная малышка в руках неведомых негодяев, бесконечно препятывающих её ради какой-то непонятной выгоды, приводило его в состояние отчаяния.

– Слушай! Кто же всё-таки украл ребёнка? – впился он Вознице в самое ухо. – Ведь ни один, из тех, кто торговался, не мог быть твоим представителем!

– Не знаю пока, – буркнул тот, спеша выбраться из толпы. – Не отставай! Потеряешься!

Но Перегрину и не надо было напоминать. Он снова вцепился, как клещ, в своего спутника, вознамерившись выпытать всё и немедленно.

– А зачем? Что, что они хотят с ней сделать? – почти орал он, семена следом, спотыкаясь и отбиваясь от разгорячённых компаний. Ощущение, что он не понимает чего-то главного, нарастало.

Возница досадливо озирался в поисках оставленных лошадей, но отвечал, поняв, что в ином случае «бешеный эллин» ещё больше разорётся.

– Рассчитывают разбогатеть с её помощью.

– Каким это образом? Что может младенец?

– Тан-Аид раньше был колонией, поставлявшей в Элладу золото. Много золота.

– Ну и что?

– А то, что после Великой катастрофы никто не может не то что отыскать те самые золотые разработки, но даже просто войти в шахты.

– Почему?

– Никто не знает. Все, кто пытались, не вернулись. А пытались многие. И не только танаиды. Помнишь, памятник таганам? Они из этих, из золотоискателей.

12

– Ужас! – вспомнил Перегрин жуткий памятник, неподалёку от которого пришлось похоронить бедняжку Оливию. – Ладно, это ваша история. А мой ребёнок-то причём?

– Некоторые думают, что раз добыча золота удавалась во времена Белоглазых тан, когда их было много, то новая тана, возможно, знает тайну.

– В связи с чем? Она ребёнок! Что она может знать?

– Кое-какая связь существует. Есть вещи, передаваемые голосом крови. И знак наследования, в данном случае, белые глаза. У твоей дочери они необычайно светлые. И все вокруг это заметили. Ты ведь сам не можешь поспорить с этим?

– Для меня в этом нет ничего необычного: глаза – такие же, как у меня и у моей матери. Мне странно, что это вызывает ажиотаж. Это какая-то примета?

– Это знак наследования возможностей Седых Странников.

– Кто это?

– Небесные покровители всех белоглазых. Они любимцы Всемиловитых Создателей, их возможности почти безграничны. Однако помогают они только тем, кому хотят. Но если уж пожелают, их вмешательство чрезвычайно мощно.

– И где они? – Перегрин обвёл глазами горизонт.

Над Тан-Амазоном, словно истекающим гомонящими, перевозбуждёнными людьми,

...вскипали и бурно перемешивались облака.

Ветры, носящиеся по степному простору, вгоняли их в обозримое пространство, а потом уносили, будто людей, разузнавших то, что было нужно, и проследовавших дальше по своим делам...

Возница тоже, придержав шапку, задрал голову – не смотреть на них было невозможно: столь величественны и притягательны на вид они были. Совсем не сравнить с полуразрушенными окружающими постройками из выгоревшего на солнце песчаника: амазонки всегда были непритязательны по части быта.

– Седые Странники появляются в виде облаков, потом сходят на землю. Видом своим очень похожи на людей. Только выше и красивее. Глаза очень светлые. А волосы и одежды – белые.

Слушая, Перегрин, затаил дыхание. Что-то насторожило его в голосе Возницы и в блеснувших, вынырнувших из-под шапки глазах.

– Ты описываешь так, будто они тебе являлись.

– Конечно, являлись, – усмехнулся тот, снова укрыв лицо почти полностью. – С детства. Они и тебе, наверняка, являлись. Ты ведь тоже белоглазый. И тоже любишь разглядывать облака?

– Ты смеёшься надо мной? Мне не до сказок. Мне дочь искать надо! Эти ненормальные, что выкрали её, могут сделать с ней что угодно! Мне страшно становится при одной мысли, что мой ребёнок во враждебных руках!

– Чтобы найти, мало просто бегать и кричать. Надо сначала понять, что происходит.

Соглашаться с «дикарём» не хотелось, но не признать, что чумазый спутник высказал его тайную мысль, Перегрин не мог. Правда, внутри себя, не вслух. Вслух он спросил о другом, потому что понял, что именно ощущение непонимания происходящего мучило его больше всего.

– Постой, ты сказал, у Странников тоже белые глаза? Очевидно, это неслучайно?

– Именно один из Седых Странников в стародавние времена и оставил потомство на нашей земле. А сам из-за этого стал смертным. Потом он умер. Но мы сохранили его череп. Все белоглазые танаиды ведут свой род от того самого Странника.

– Красивая сказка.

– Да, красивая. И у нас в неё верят все. С результатом этой веры мы сегодня и имеем дело. Видишь ли, от белоглазых требуют порой больше, чем они могут дать. Считается, что стоит им только захотеть, и любая просьба, в том числе о золоте, будет выполнена. Поэтому ... надвинь-ка шапку поглубже!

– Какая чушь!

– Не чушь. А надежда. На почти несбыточное. Но, поскольку в наших краях народ нынче бедствует, а золота в тех шахтах под Тан-Аидом было очень много, вес даже несбыточной надежды довольно велик, как ты понимаешь.

– Да не желаю я принимать участие в этих золотых бреднях. И ребёнку своему не позволю! – снова возвысил тон Перегрин. – Как только найду её, немедленно увезу на север!

– Вполне отцовское решение! – иронии Возница не было предела. – Осталось только отыскать твою дочь и уведомить о нём.

– Это ты виноват! Уже в третий раз! Сначала бросил её в Тополиной балке, потом заморочил мне голову своим обрядом посвящения в таны, вместо того, чтобы хватать и увозить! И сегодня не дал вмешаться! Если бы не ты, я давно её забрал бы! – взбесился Перегрин. – Ещё и насмехаешься!

Он никак не мог вскочить на коня, просить же помощи не желал. Конь куражился лárвом веселящимся. А Возница, как назло, делал вид, что не замечает мучений спутника, был хмур и сосредоточен.

– Ты брось свои господские замашки – виноватых искать! Тут, у нас это не пройдёт! Вы, эллины, больше не хозяева на нашей земле, понял? Так что не покрикивай мне! Если бы не я, ты, со своими бандитами на хвосте, что притащил из-за моря, уже давно сгнил бы в той Тополиной балке! – Возница взглянул на понурившегося Перегрин и, посадив его, добавил уже мирно. – Ты лучше в самый корень смотри.

– М-м?

– Может, её и украли те самые бородатые убийцы, которые тебя преследовали? А что? Решили, что продешевили, отдав на продажу, и передумали. Решили выкрасть и перепродать: побольше золотишка срубить! Может такое быть?

– Да может. ... Ну и где их теперь искать?

– Думаю, твоя проблема не в том, где их искать, – скептически сверкнул глазами из-под шапки Возница. – А как от них спастись. Не забыл: они хотели убить тебя? А сегодня увидели, что дело не сделано.

– Так «искать» или «как спастись»?

– Это уж ты сам решай! Тут я тебе не советчик.

– И что мне теперь делать? Это ты во всём виноват! Ты же обещал мне, что здесь, сегодня, мы её найдём! Я поверил! И что теперь? – жутко перенервничавший Перегрин никак не желал заботиться о собственной безопасности – говорить тихо – и почти кричал от отчаянья.

– Хватит собачиться! Ты привлекаешь внимание! – шикнул на него Возница сквозь зубы, стараясь тихо выскользнуть из города.

– Наплевать мне теперь! – не желал сдаваться эллин, горя громогласно, словно ребёнок, напрашивающийся на сочувствие.

13

То ли они накликали беду своей бесцеремонностью, то ли наёмные убийцы давно взяли след, но напали на них неожиданно!

Несмотря на то, что в степи видно очень далеко.

Когда на сближение вышел небольшой табун диких коней с двумя погонщиками, препирающимся напарникам даже не пришлось в голову поопаситься: ну, табун и табун – что тут такого? Их в степях несметное количество пасётся.

Однако, когда погонщики, забыв о своих конях, с двух сторон притёрлись к Перегрину, и ножи сверкнули, выхваченные из-за пазух, он решил уж было, что «вот она, смерть пришла! В прошлый раз убийцам не повезло, но на этот раз им ничто не помешает!»

Рассчитывать на помощь только что безжалостно обруганного задохлика Возницы не приходилось. Даже если тот захочет драться, шансов у них всё равно немного. А самому, не вполне оправившемуся от ран, да ещё и безоружному, – и вовсе не выкрутиться.

Он увидел только, как Возница отступил в сторону и даже не удивился тому: «Бросил меня!». Что ж, весь опыт общения с этим странным типом не мог обнадёжить.

Однако Возница сумел удивить: он упал с седла, странным образом крутанувшись, и на землю встал уже ...волком!

Рыжеватого, реальгарового окраса волком!

Перегрин от неожиданности вытаращил глаза...

«Но это же невозможно...» – пролепетал он, не чувствуя губ.

На свою беду – и нападающие тоже не ожидали подобного поворота событий. Поэтому бросок мускулистого волчьего тела пришёлся одному из разбойников прямо в лицо. А второй, только увидев разорванное одним рывком горло напарника, как был с ножом в руке, так и дал дёру прямо в центр уносящегося конского табуна.

Всё это произошло настолько быстро, что Перегрин ещё не успел даже избавиться от «предсмертной» испарины, а Возница уже стоял в своём прежнем человеческом обличье и держал его коня под уздцы.

– Слезай!

– Зачем? – Перегрин, как испуганный ребёнок, прижался к лошади, подобрав длинные ноги, словно не доверял ни земле, ни людям на ней. Зрелище превращения шокировало его не меньше общения с убийцами.

– А что это сейчас было? – ему хотелось то ли молиться, то ли просто потрясти головой. Во всяком случае, увиденное не добавило доверия к спутнику.

– Что ты хочешь со мной сделать?

– Я хочу испытать те..., ...твой перстень, – тон Возницы был безапелляционным. Похоже было, происшедшие события сподобили его на решительные действия. Это-то и настораживало.

– Как это?

– Слезай, говорю! Не могу же я вечно спасать-прикрывать тебя! Давай, дорогой, ты всё-таки сделаешь усилие и будешь выкручиваться сам! Хотя бы иногда! Иначе когда-нибудь я опоздаю с помощью, и твою драгоценную шкуру попортят безвозвратно! К тому же, ты, вижу, не очень-то мне доверяешь, покрикиваешь на меня постоянно! Подозреваешь! Хозяином себя вообразил! Хочешь быть хозяином – будь им и заботься о себе самостоятельно! Слезай-слезай! Нечего тут!

На этот раз приказ был подкреплён увесистым шлепком по ляжке, и Перегрину пришлось подчиниться. Рука у мелкого Возницы оказалась неожиданно тяжёлой.

Эти двое со стороны представляли собой странную пару, крайне не подходящих друг другу людей: командовал маленький и худой, а отлично выкормленный, хотя и побитый красавец, подвывая от неуверенности, подчинялся.

Но когда поворотом похожих перстней оба превратились в рыжеватых степных волков, это различие почти сгладилось.

Зато обнаружилось другое, и весьма существенное.

Волк, что был помельче статью, при ближайшем рассмотрении оказался ...волчицей.

Волчица

1

Теперь разговаривать они могли без слов, которые прежде только мешали, сталкиваясь и скрипя побочными, неглавными оттенками.

Общение смыслами, как выяснилось, имеет огромные преимущества. Оказалось, что таким образом можно констатировать взаимное абсолютное неприятие, не превращаясь в откровенных врагов. Что стало спасительным для отношений этих двух, совершенно не подходящих друг другу, людей. Потому что их взаимная злоба и ненависть разрослась до того, что мешала дышать!

Волчицу здорово обидело, что первое превращение не вызвало у Перегриня никаких чувств, кроме страха боли. А превращение ведь прошло просто великолепно – с первого раза! Но сколько ни всматривалась она, не увидела ни удивления, ни радости, как это бывает обычно! Не говоря уже о благодарности по поводу новых возможностей! Что за тупое создание! А ещё белоглазый! Просто бессмысленная гора мяса! Выродок какой-то!

А Перегрин больше всего злился, что спутник оказался ... женщиной, самкой! Это произвело на него гораздо большее впечатление, нежели собственная возможность волкопревращения.

Столько времени, даже не подозревая, он, эллин, подчинился вонючей, грязной дикарке! И даже был настолько глуп, что попал в полную зависимость от неё! Вплоть до того, что кормился объедками с её чумазой ладони! Не говоря уже о собственной беспомощности в самозащите и поисках ребёнка. Да-да, беспомощности (перед собой-то он мог быть честен...).

«Что за жизнь! – сетовал он, – ни домой вернуться не могу, ни дальше ехать! Убийцы на хвосте! Хотя, вроде бы из них остался в живых лишь один. Но неизвестно, что в следующий раз придёт ему в голову! Откуда выскочит? Можно было б нанять слуг, охрану – как я привык. Но денег нет! Да что там денег, удачи нет! Один! Никому не нужен! Ещё и стерва эта худая навязалась! Что делать, что делать? Главное: как дочь отыскать? Тогда бы я уж точно придумал, как скрыться! Но как её найти среди этих непонятных дикарей с их нелепой верой ... в спускающиеся с небес облака?»

Справедливости ради следует отметить, внутренне он вынужден был согласиться, что волкопревращение – эффектная вещь. Но ни за какие блага мира он не признался бы в этом Вознице. Только из-за того, чтобы не признавать как её огромной роли, так и собственного подчинённого положения.

Всё это исходило из него жалкими поскуливаниями и завываниями. Но на волчицу они оказывали обратное действие. И только провоцировали злобные пинки и укусы.

Она пыталась научить Перегриня простейшим звериным навыкам: умению скрываться, драться, умению брать след и охотиться. День потихоньку угасал, не принося успехов. Перегрин был совершенно не заинтересован в обучении. Более того, демонстративно презирал свою новую волчью сущность.

– Зачем мне это? – брюзгливо фыркнул новопревращённый волк.

– Но ты же видел, как только что нас спасло моё превращение! Неужели тебе самому не хочется овладеть подобными приёмами?

– Нет, не хочется. Зачем? Ты ведь рядом.

– Но я не прислуга тебе. Я не собираюсь быть рядом постоянно. У меня есть собственная, независимая жизнь!

– Но ты обещала помочь мне найти дочь. Ты дала слово. Значит, будешь рядом. А после того, как найдём ребёнка, мне это всё точно не понадобится. Я просто исчезну отсюда и забуду как отвратительный сон.

Волчица ожесточённо набрасывалась на него, вынуждая падать на спину, позорно задрала лапы, что в очередной раз не улучшало взаимопонимания.

– Ты барчук! Потребитель! Твоя лень сгубит тебя! Тебе ведь ничего не стоит освоить простейшие навыки! Я же вижу, как легко даётся тебе то, что другим приходится осваивать долгое-долгое время.

– Да что ты пристала? Зачем мне вся эта возня в вонючей волчьей шкуре? – он с отвращением демонстративно оглядывал себя. – Объясни лучше, что сделать, чтоб назад, в человека, вернуться. И пойдём, поедим чего-нибудь, – похоже, он вошёл во вкус, мстя ей в единственной доступной форме.

Она злилась совершенно искренне, не улавливая некоторой нарочитости его отношения.

– Обойдётся! Поедим! Волки едят раз в неделю! А тебе каждый час надо бесцельно набивать брюхо! Тебя и так на коня не взгромоздить! Бесцеремонный обжора! Еду ещё добыть надо! Вот походи и раздобудь! Ты ведь хищник, охотник!

– Не желаю я ничего добывать. Я человек. Лучше я заработаю денег. Куплю еды, расплачусь с тобой за помощь и выкуплю свою дочь!

– А если те, кто прячут её, не захотят продать? Ты видел, что случилось в Амазоне? Возможно, тану украли. Но скорее всего, хозяин просто не пожелал продать этого ребёнка! Просто передумал и всё, увидев бушующие страсти! Ребёнка снова спрятали, до лучших времён. Может такое быть?

– Вполне... – вяло соглашался волк-Перегрин.

– И что ты будешь делать в таких условиях со своими деньгами? Пойми ты, заиметь собственный перстень превращенца – это огромная удача, о которой мечтают многие! У него уникальная сила, которая может выручить тебя в опасности! В волчьей шкуре ты получаешь новые возможности. А ну, затихни! Слышишь, звуки? Раньше их не было! А запахи? Чувешь? О чём они говорят?

– О том, что есть хочется...

– А ещё?

– Да ещё зрение стало отвратительным, – ворчал Перегрин, поводя волчьей мордой с очень злым на ней выражением. – Всё вокруг съезжает в какую-то воронку. Как тут разобраться, куда идти?

Волчица в отчаянье роняла голову на лапы. Но потом поднималась и снова начинала убеждать, злясь на себя, что не может бросить и забыть этого «барина». Будет ли толк из того, что она возится с ним? Неизвестно.

Она только решила не говорить, что перстень уже однажды точно спас хозяина от смерти. Когда она сама хотела снять его, откусив палец, а потом вернула. И тем будто вдохнула новую жизнь в умирающего. Может быть, этот факт и убедил бы строптивца.

Но вспоминать про ту ночь не хотелось. А аргументы о силе вещицы можно и другие подыскать! Во всяком случае, пока она не собиралась открывать ему обратную дорогу к человеческому облику.

Напротив, потихоньку исчезла.

Пока Перегрин ворчал и злобно рычал по сторонам, не заметил, что остался один. Но тут...

...Белый свет той, чьё второе имя Танил, коснулся его глаз, словно светлый взгляд матери...

Она всегда умела найти нужные слова, говоря с ним. Может, потому, что прислушивался он не к звукам, а к своей уверенности, что она любит его? Это было самым важным.

...Волчица вернулась беззвучно, незаметно выступив из тьмы. В зубах же несла пригрызенного зайца. Выпустила перед носом Перегрину. И, облизываясь, с удовольствием наблюдала, как, не раздумывая, тот инстинктивным броском схватил зверька, перекусил горло и, сердито урча, начал насыщаться.

– Странные у нас с тобой отношения, – удивлялась волчица. – Обычно волк приносит добычу. А тут...

Волк молчал. Он осмысливал странное ощущение. Будто эти слова он уже однажды слышал.

А может, это был и не он...

2

То ли сытость, то ли что ещё способствовало более благосклонному вниманию волка к обучению. Но он согласился повторять то, что ему показывала волчица. Хотя и продолжал ворчать.

– Не вижу, чем поможет моя шкура. Почему же мать ничего не говорила мне об этом? Краем уха я, конечно, слышал разговоры, что нас с братьями выкормила волчица. Но считал это всё злыми наветами. Оказалось вон оно что! Но раз мать не рассказывала мне о перстне, значит, не хотела превращений?

– Если бы не хотела, не отдала бы его тебе!

– Тоже верно. Но всё равно не вижу, чем это поможет.

Ему быстро надоедали многократные повторения. Он постоянно пристраивался вздремнуть «на сытый желудок». Но волчица не отставала.

– Ты просто не хочешь трудиться. Ты изнежен и избалован своими родителями до полной потери жизнеспособности! Я впервые вижу существо, которому дано так много, и, наряду с этим, с него никто и никогда ничего не требовал! – возмущалась она. – Нет ни ответственности, ни серьёзности, ни вдумчивого отношения хотя бы к себе самому! Только желание красоваться, жаловаться да напрашиваться на обслуживание! Это просто возмутительно! К тому же, ты просто ...неповоротливый!

– Я неповоротливый? Ты просто бесишься, что я не обратил внимание на тебя, как на ... женщину! Поэтому злобно мстишь! Но прости, ты совершенно не в моём вкусе!

Но зацепить женское самолюбие волчицы было непросто. Морда её была непроницаема, голос даже не дрогнул. Видно, неспроста она так долго скрывала себя под мужской одеждой. Выдержка у неё была что надо!

– Меня не интересует твой вкус! Я просто пытаюсь хоть немного обучить тебя самостоятельности, чтобы ссадить со своей шеи. Которая скоро хрустнет от обилия желающих взгромоздиться на неё! Ляжки, ляжки свои жирные подбери, светишь ими до горизонта! И брюхом плотней к земле!

– Трава колкая! Ляжки ей мои не нравятся! Как ползти, если трава колкая? – обиделся он.

– Подумаешь! Колко ему! Поползаешь побольше, шкура огрубеет, не будет колко! Неженка!

– Если бы в тебе было столько достоинств, в скольких ты отказываешь мне, ты ... ты давно замужем была бы! А не моталась бы возницей по ночам! В своей уродской шапке! Но что-то я не вижу, чтобы на тебя, в качестве невесты очередь стояла!

Перегрин никогда не сказал бы ничего подобного ни одной девушке, но уж больно зашпыняла его эта замухрышка. Особенно обидно было сказано про ляжки. К тому же она была ... волчицей, животным. До известной степени это его извиняло в собственных глазах.

– Что ж тебя так волнует моё замужество, что даже сосредоточиться не можешь?

– Ты обманула меня! Я не знал, что ты женщина! И не хочу подчиняться женщине! Я ни за что не связался бы с тобой, если бы знал, хитрая врунья!

– Ну, конечно, ты слишком молод, чтобы уметь отличать женщин от мужчин! – ехидно влепила волчица.

– Ты ж вырядилась в уродские кожанки! Как тебя рассмотришь!

– Кому надо – рассмотри! Ты вообще растяпа! Если бы ты проявил чуть больше осмотрительности и осторожности, ты сберёг бы жену, доверившуюся тебе, остолопу! И не бегал бы сейчас, скуля, по степи в поисках дочери! Охотиться он не умеет! Бездарь! Это не то что волк, но каждый мужчина должен уметь! – в отместку волчица стала откровенно жестокой. – Каж-

дый мужчина должен быть ...хищником, чтобы выжить! А ты..., кто ты после всего, что произошло с тобой? Женщине он не хочет подчиняться!

Она фыркнула и начала в очередной раз показывать, как лучше подползать к зверю, чтобы быть незаметным. Перегрин не очень старался, и ей пришлось пару раз грызнуть его, чтобы он хоть чуть-чуть поджимался и таился. Он почти плакал.

– Ты ...ты оказалась ещё ужаснее, чем я подозревал! Я думал, что ты наглый вун, ...наглая вунья, а выяснилось, что ты просто – ...злая тварь! И ещё кичишься этим! Не вижу ничего плохого в том, что я оказался человеком в большей степени, чем тебе хотелось бы! И не хочу больше превращаться в животное! Больше ты меня не обманешь! У меня и так всё болит! И вообще, мне это не надо! Нашла, чем гордиться, псиной вонью!

– Моя псиная вонь тебе жизнь спасла, придурок! Забыл, что на тебя, а не на меня охотятся?

– Не напрашивайся на благодарность! Наглая попрошайка! Начну работать, расплачусь с тобой, не волнуйся! И не смей попрекать меня! – взвизгнул он. – Я не чета тебе, дикой босячке!

– Ну и ищи тогда свою дочь сам, раз я, дикая босячка, не достойна этой чести!

– М-м-м... Пстой!

– Нет уж! Хватит с меня! Отвяжись! – волчица рысцой заскользила по степи, придерживаясь мест,

...над которыми ночные облака устраивали таинственные игры с лунным светом. Обычным зрением рассмотреть её реальгарового цвета шкуру было бы невозможно. Но волчьим...

Перегрин с рычаньем нагнул лобастую башку: «Похоже, я перехватил! Она, конечно, толстокожая, но есть пределы».

– Пстой! Я не это имел ввиду! – и шумно шурша всем, на что натыкался, бросился за ней.

Уловив шум, она возмущённо закатила глаза: «Вот бездарь!» Но всё же остановилась. И, пользуясь случаем, основательно отчитала его. Хорошо, хоть не в словах. Всё-таки звериное общение легче переносить, особенно, когда приходится выслушивать нечто нелицеприятное!

– Не хочешь стараться – не надо! Выживай, как хочешь! Не желаешь терпеть боль – можешь продолжать скулить. Но я не собираюсь обслуживать тебя! Помочь – могу. Научить – пожалуйста. Но командовать мной – не смей! Я тебе не прислуга!

– Конечно, ты только своих братьев в прислугу можешь продавать! Подлая! – последнее слово Перегрин, пыхтя от бега, прорычал скорее про себя, совсем тихонько, но...

– Вот гад неблагодарный! Это вообще не твоё дело! – остановилась волчица.

– Нет, не уходи! – струсил он. – Я не хотел обидеть тебя. Я ...я просто всегда говорю правду...

– Ты – «правду»? Ты бы лучше вспомнил правду о том, что даже мать не сочла нужным рассказать тебе о тайне перстня! – рассвирепела волчица.

– Ты хочешь сказать, что моя мать тоже превращалась... – расстроился он. Память о матери была очень дорога ему. Поэтому особенно болезненной оказалась мысль о том, что у неё были секреты такого рода.

– И судя по истёртости перстня – нередко. К тому же, был бы ты нормальным человеком, тебе не пришлось бы тайком воровать свою жену. Видимо, твой отец был прав, что ты полное ничтожество и недостойн её! Ты совершенно не способен ни к какому делу, даже к спасению самого себя! Полный болван! За что только твоя жена тебя полюбила, ведь у тебя, кроме красоты – ни единого достоинства! А одной красотой не спасёшься! – истинное наслаждение собственной жестокостью прозвучало в её обвинении совершенно по-звериному.

– Конечно! Ты у нас кладезь спасительных навыков! – запальчиво начал Перегрин, но вдруг понял, что та, на которую он нападает, в общем-то, действительно спасла, вылечила его. И довольно быстро. Но, разогнавшись, остановиться уже не мог. – Лечишь ты, конечно, ...неплохо, но что толку? Ты ведь всё равно ...нищая неудачница! Нищая! Только умничать да поучать умеешь, а сама – пустое место! Да ещё и злобное!

Волчица посмотрела на потрёпанную шкуру своего ученика, на перекошенный хребет и решила не отвечать. То ли вспомнила о том, что она и в самом деле «нищая неудачница». То ли поняла, что её манера «спасать» не всем может понравиться. В частности, чёртв Перегрин не знает ещё об откушенном ею по ошибке пальце. А то не так разорался бы.

Она сочла за лучшее не продолжать препирательство, а вместо этого ...научить его обтрясать пыль и всякий сор особым «танаидским» способом: красивой волной, от холки до кончика хвоста. Такому красавчику это должно понравиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.